

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-120-151



**О.В. Солопова, Е.Е. Демидова, А.Н. Веракса,  
А.В. Козополянская-Соловьева, В.О. Робышев,  
Е.Б. Роева-Мкртчян, А.П. Солопов, М.В. Дранова**

**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МИГРАЦИЙ  
В РОССИЮ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ  
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ**

**O.V. Solopova, E.E. Demidova, A.N. Veraksa,  
A.V. Kozopolianskaia-Soloveva, V.O. Robyshev,  
E.B. Roeva-Mkrtchyan, A.P. Solopov, M.V. Dranova**

**THE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL LANDSCAPE  
OF MIGRATION TO RUSSIA FROM THE NEAR ABROAD  
IN THE LATE 20th AND EARLY 21st CENTURIES:  
A VIEW FROM WITHIN**

**Аннотация.** Дезинтеграция СССР в 1991 г. обусловила и спровоцировала беспрецедентные по своим масштабам и многогранности миграционные процессы. Сложность феномена миграции во всем многообразии его

---

*Солопова Оксана Вячеславовна*, кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории диаспор и миграций, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Solopova Oksana Vyacheslavovna*, PhD Candidate in History, Head, Laboratory of Diaspora and Migration History, Associate Professor, Department of Near Abroad History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

osolopova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3675-5766

*Демидова Елена Евгеньевна*, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Demidova Elena Evgen'evna*, Researcher, Department of Socio-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

edemidova@geogr.msu.ru

ORCID: 0000-0003-1719-721X

*Веракса Александр Николаевич*, доктор психологических наук, академик Российской академии образования, доцент, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

*Veraksa Aleksander Nikolayevich*, Doctor in Psychology, Full Member, Russian Academy of Education, Associate Professor, Head, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

veraksa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7187-6080

проявлений и типов определяет принципиальную важность применения междисциплинарного подхода для исследований по данной проблематике. Новизна и актуальность данной работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка показать динамику миграционных процессов в постсоветской России с применением широкого спектра возможностей разных гуманитарных дисциплин. В статье представлена часть результатов комплексного исследования, проводимого междисциплинар-

---

*Козополянская-Соловьева Александра Вадимовна*, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Kozopolianskaia-Soloveva Alexandra*, Researcher, Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University  
klin24a@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-4046-0658

*Робышев Владислав Олегович*, кандидат юридических наук, начальник отдела претензионной и исковой работы юридического управления МГУ имени М.В. Ломоносова

*Robyshev Vladislav Olegovich*, PhD Candidate in Law, Head, Claims and Litigation Department, Legal Department, Lomonosov Moscow State University  
v.robyshev@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-9498-1417

*Роева-Мкртчян Екатерина Борисовна*, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Roeva-Mkrтчyan Ekaterina Borisovna*, Researcher, Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University  
plu2310@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-4778-4702

*Солопов Арсений Павлович*, аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

*Solopov Arseniy Pavlovich*, Postgraduate Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher, Center for the Study of National Culture, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

arssolopov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6952-1160

*Дранова Маргарита Вадимовна*, выпускница Межкафедральной магистерской программы «История диаспор и миграционных процессов», соискатель, прикрепленный для сдачи кандидатских минимумов исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

*Dranova Margarita Vadimovna*, Graduate, Interdepartmental Master's Program "History of Diasporas and Migration Processes", PhD Candidate, enrolled for passing the PhD Candidate's exams, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

mkozopolyanskaya@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9037-6287

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-11 «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-11 "Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches".

ным научным коллективом МГУ имени М.В. Ломоносова, включающим историков, географов, психологов, юристов, в рамках проекта по Программе развития МГУ «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы». При опоре на обзор современных работ, посвященных географическим, демографическим, историческим, социологическим, антропологическим аспектам миграции, проанализированы тематические документы Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики, систематизированы и проанализированы архивные материалы последних 30 лет вплоть до 2022 г., введение которых в научный оборот имеет высокую значимость. В ходе исследования были выявлены этапы и интенсивность динамики миграционных процессов в Российской Федерации, охарактеризованы ключевые тенденции в этой сфере в контексте глобальных общемировых и внутривосточных процессов — экономического кризиса, пандемии COVID-19 — с учетом изменений действующего миграционного законодательства Российской Федерации. В статье анализируется содержание понятия этнического анклава, сформулировано функциональное, операциональное междисциплинарное определение данного явления. Выявлены и обоснованы причинно-следственные связи возникающих точек и узлов напряжения и возможных угроз, которые несут или потенциально содержат в себе миграционные процессы и анклавизация. Охарактеризованы исторически обусловленные изменения динамики, типов, половозрастной структуры миграционных потоков в Россию, связанные как с внешними факторами, так и с внутренними процессами, происходящими в стране.

**Ключевые слова:** миграционные потоки, структура миграции, этнические анклавы, анклавизация, междисциплинарные исследования, страны ближнего зарубежья.

**Abstract.** The disintegration of the USSR in 1991 set off unprecedented migration processes across the post-Soviet space, remarkable for their scale and complexity. This multifaceted migration phenomenon, with its various forms and manifestations, highlights the crucial need for an interdisciplinary approach in studying the issue. The novelty and relevance of this work stem from its pioneering attempt to illustrate the dynamics of migration processes in post-Soviet Russia through the application of a broad range of methodologies from different humanities disciplines. This article presents a portion of the findings from a comprehensive study conducted by an interdisciplinary research team at Lomonosov Moscow State University. This team, which includes historians, geographers, psychologists, and lawyers, is part of the university's development program project, "Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches". The authors conduct a comprehensive review of current literature on the geographical, demographic, historical, sociological, and anthropological aspects of migration. They analyze thematic documents from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal State Statistics Service, as well as archival materials covering the past 30 years, up to 2022. These sources hold significant academic value for research in the field. The study identifies the phases and intensity of migration dynamics in the Russian Federation and highlights key trends within the context of global and domestic factors, such as the economic crisis, the

COVID-19 pandemic, and shifts in Russia's current migration legislation. The article also explores the concept of ethnic enclaves and offers a functional, operational, and interdisciplinary definition of this phenomenon. It traces and explains the causal relationships that lead to emerging points and nodes of tension, as well as the potential threats inherent in migration processes and enclave formation. Additionally, the study outlines historically driven changes in the dynamics, types, and demographic structure (gender and age) of migration flows to Russia, influenced by both external and internal developments within the country.

**Keywords:** migration flows, migration structure, ethnic enclaves, enclave formation, interdisciplinary research, near abroad countries.

\* \* \*

*Миграция — это трансформация, которая меняет не только жизнь людей, но и общество в целом.*

Ричард Флорида (Richard Florida)

*Миграция — это не проблема, которую надо решить, это реальность, которой необходимо управлять.*

Роберто Савио (Roberto Savio)

Миграции относятся к числу процессов, неотъемлемо сопровождающих человечество. В некотором смысле история человечества и есть история миграций. Именно поэтому данная тема не теряет своей актуальности в любую историческую эпоху.

Сложность, комплексность и многообразие феномена миграции определяет принципиальную значимость междисциплинарного характера его исследований, так как миграции постоянно, спорадически и системно становятся объектом изучения представителей самого широкого спектра специалистов: антропологов, социологов, правоведов, историков, политологов, географов, экономистов, лингвистов и так далее вплоть до маркетологов. При этом пространственные особенности миграционных процессов — традиционная исследовательская вотчина социальных географов. Однако сущностная территориальность самих миграционных процессов «географизирует» исследования данного явления в любом тематическом поле, в плоскости любой научной дисциплины.

«Эра миграций», начавшаяся на территориях стран — бывших республик СССР в постсоветский период, объективная замена внутренних миграций, существовавших в рамках единого государства, миграциями межгосударственными, т.е. уже внешними, естественным образом обусловила изменение и исследовательских парадигм: изучение сельско-городской и маятниковой миграции уступило

место изучению этнической, вынужденной и репатриационной миграций. Отдельную исследовательскую нишу стала занимать аналитика и научные изыскания по теме миграционной политики новообразованных государств.

### Историография вопроса

Одними из основоположников советско-российской школы изучения внешней миграции по праву считаются географы-демографы В.И. Переведенцев<sup>1</sup> и Ж.А. Зайончковская<sup>2</sup>, а также их коллеги и последователи из смежных научных направлений (экономисты, социологи, историки): Г.С. Витковская<sup>3</sup>, В.И. Мукомель<sup>4</sup>, Л.Л. Рыбаковский, В.А. Тишков<sup>5</sup> и др. Представляя разные научные взгляды как на теоретические, так и на практические аспекты внешних миграций (в частности, миграционного взаимодействия России со странами СНГ), большинство исследователей конца XX в. соглашались в одном — в необходимости внешней миграционной «подпитки» из стран ближнего зарубежья, связанной с глубоким демографическим

---

<sup>1</sup> Среди знаковых работ: *Переведенцев В.И.* Миграция населения в СНГ: опыт прогноза // *Полис. Политическое исследование.* 1993. № 2. С. 69–79; *Он же.* Миграция населения и демографическое будущее России (Науч.-аналит. доклад). М., 2003; *Он же.* Миграция в ритме времени: сборник статей. М., 2010.

<sup>2</sup> Среди важных работ: *Зайончковская Ж.А.* СНГ через призму миграций // *Миграция.* 1998. № 3–4. С. 4–10; *Она же.* Миграция населения как индикатор социальной ситуации в постсоветском пространстве // *Проблемы прогнозирования.* 1997. № 3. С. 119–128; *Она же.* Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // *Проблемы прогнозирования.* 2000. № 4. С. 1–15; *Она же.* Почему России необходима иммиграционная политика. М., 2007. С. 114–141.

<sup>3</sup> Миграция: бедствие или благо? Материалы Круглого стола по проблемам вынужденной миграции в России / Л.И. Графова, В.А. Тишков, Ю.Д. Анчабадзе и др.; отв. ред. Е.И. Филиппова. М., 1996; *Беженцы и вынужденные мигранты в государствах СНГ: Концепция и организационные меры по решению проблемы многосторонними усилиями в рамках Содружества / А. Анфалов, Т. Васильева, Г. Витковская и др.* М., 1996.

<sup>4</sup> *Мукомель В.И.* Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // *Население и общество.* 1997. № 27. С. 1–4; *Он же.* Правовые основы и практика регулирования миграции в субъектах Федерации // *Миграция.* 1997. № 3(4). С. 15–25; *Предотвращение региональных этнических конфликтов в Российской Федерации / В. Мукомель, И. Кузнецов, С. Чарный.* М., 2007; *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов в России // *Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3-х т. / Сост. Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская.* Т. I. Ч. 2. М., 2013. С. 692–700; и др.

<sup>5</sup> *Тишков В.В.* Постсоветские миграции // *Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* 1995. № 5. С. 3–6; *Он же.* Этничность и национализм в постсоветском пространстве // *Региональные проблемы межнациональных отношений в России.* Омск, 1993. С. 265–277; *Вынужденные мигранты и государство / Отв. ред. В.А. Тишков.* М., 1998; *Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах = Migrations and new diasporas in the post-soviet states / В.А. Тишков, О.Д. Комарова, С.С. Савоскул и др.; отв. ред. В.А. Тишков.* М., 1996.

кризисом в самой России, но при условии эффективного контроля со стороны государства через действенную миграционную политику.

Актуальность изучения миграционной тематики в середине 1990-х — начале 2000-х гг. выразилась в резком росте публикационной активности: так, только за 1992–1998 гг. вышло в свет свыше 3 тыс. статей, посвященных миграции в России и странах Содружества Независимых Государств (СНГ)<sup>6</sup>. Эти исследования в первую очередь фокусировались на изучении миграционных процессов и мигрантов из бывших советских республик (получивших статус независимых самостоятельных государств) как главных акторов происходящих событий.

Смещение внимания исследователей на принимающую сторону в совокупности с попыткой объединить междисциплинарные подходы впервые отразилось в работах Ж.А. Зайончковской 2000-х гг. В них, в частности, аргументировалась необходимость проведения Россией политики «открытых дверей» через рассмотрение различных сценариев социального и демографического развития. Утверждалось, что единственным источником сохранения численности населения страны, социального и экономического благополучия является миграционный приток из стран СНГ и Балтии. А печальной альтернативой миграционному сценарию могут стать масштабные социально-экономические провалы, связанные с потерей трудоспособного населения и, как результат, — с сокращением, сжатием заселенного пространства России, что может нести реальные угрозы, вплоть до потери части территории страны. Исследователем подчеркивалось, что проблема иммиграции для России — это «одновременно судьба ее территории, ее границ и ее целостности»<sup>7</sup>. Однако стоит отметить, что миграционное будущее России рассматривалось отнюдь не как идеальный, лишенный негативных аспектов вариант. Разные исследователи фиксировали то обстоятельство, что увеличение этнокультурного разнообразия вследствие активизации миграционных потоков несет в себе предпосылки для усиления напряженности, а, возможно, и конфликтов на этнокультурной почве.

Новые поколения специалистов в области осмысления миграционных процессов во многом унаследовали основные позитивистские идеологические установки. Исследованиям внешней миграции

---

<sup>6</sup> Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж.А. Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. М., 2007.

<sup>7</sup> Зайончковская Ж.А. Почему России необходима иммиграционная политика. С. 141.

и сопряженными с ними вопросам адаптации и «приживаемости» мигрантов посвящены работы современных авторов, в частности, социогеографов-демографов Л.Б. Карачуриной<sup>8</sup>, Н.В. Мкртчяна<sup>9</sup>, М.С. Савоскул<sup>10</sup>, Ю.Ф. Флоринской<sup>11</sup>, экономистов и социологов Е.А. Варшавера<sup>12</sup>, Е.В. Тюрюкановой<sup>13</sup>, О.С. Чудиновских<sup>14</sup> и др.

Территориальные аспекты расселения мигрантов наиболее ярко просматриваются в изучении истории и географии современных городов. В частности, ряд работ, аффилированных с Институтом географии и Институтом социологии РАН, посвящен анализу территориального размещения этнических групп в крупных городах (О.И. Вендина и др.<sup>15</sup>, Е.А. Ерохина<sup>16</sup>).

---

<sup>8</sup> *Karachurina L.B. Demography and Migration in Post-Soviet Countries // What has remained of the USSR: Exploring the Erosion of the Post-Soviet Space. Helsinki, 2019. P. 161–190; Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Абылкаликов С.И. Миграция населения в России: новейшие тенденции и опыт поколений // Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М., 2022. С. 276–326.*

<sup>9</sup> *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 186–193; Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99.*

<sup>10</sup> *Савоскул М.С. Теоретические и методические подходы к изучению международной миграции населения в географии и смежных науках // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии: Сборник статей / Отв. ред. В.Л. Бабурин, М.С. Савоскул. М., 2019. С. 115–143; Она же. Формирование и эволюция российской-германской транснациональной миграционной системы. Автореферат дисс. ... доктора географ. наук. М., 2016; Она же. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 69–64.*

<sup>11</sup> *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Карцева М.А. Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87–102.*

<sup>12</sup> *Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2 (150). С. 318–364; Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М., 2021.*

<sup>13</sup> *Флоринская Ю.Ф., Тюрюканова Е.В., Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. Серия специальных докладов. М., 2011; Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М., 2013.*

<sup>14</sup> *Чудиновских О.С. О понимании статистики миграции // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 19–27.*

<sup>15</sup> *Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.*

<sup>16</sup> *Ерохина Е.А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 173–182.*

Результаты проведенных статистических и социологических исследований ряда авторов свидетельствовали, что к 2017–2018 гг. в Москве не были сформированы «этнические районы» или «этнические кварталы», где мигранты и социальные группы с миграционным прошлым составляли бы большинство. И хотя в некоторых столичных районах объективно фиксировалась более высокая доля мигрантов, в целом мигранты довольно равномерно распределены по территории «старой» и Новой Москвы<sup>17</sup>, что некоторые исследователи объясняют территориальной «эгалитарностью» столицы. В случае других крупных городов (Воронежа, Екатеринбурга, Красноярска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Челябинска и др.) выделяются «этнические ареалы», пространственно приближенные к городским рынкам — как действующим, так и существовавшим в недалеком прошлом.

Очередной виток полевых социологических исследований миграционных процессов в России пришелся на 2020–2021 гг. (Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева, Н.С. Иванова, А.С. Андреева) и, несмотря на незначительную разницу во времени, исследователям удалось доказать факт резидентной концентрации мигрантов (до 70%) с налаженной мигрантской инфраструктурой в новостройках подмосковного города Котельники, находящегося, по аналогии с другими российскими городами, в непосредственной близости с одним из крупнейших в России рынком (оптовым вещевым рынком «Садовод»)<sup>18</sup>.

Масштабные исследования по-прежнему предпринимались на географическом факультете Московского университета<sup>19</sup>. Исследовательские полигоны были определены так: во-первых, приграничные Республика Карелия и Белгородская, Оренбургская, Саратовская области; во-вторых, полиэтничные Оренбургская область и Республика Татарстан; в-третьих, транзитные для этнических мигрантов Самарская и Саратовская области; в-четвертых, те субъекты РФ, которые принято считать расположенными на «входе» в московскую агломерацию, особенно привлекательные для этнических мигрантов Калужская и Тульская области<sup>20</sup>.

Проводимая группой означенных исследователей работа носила экспертный характер, она подтвердила в полной мере прямую и тес-

---

<sup>17</sup> Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Указ. соч.

<sup>18</sup> Андреева А., Иванова Н., Варшавер Е. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 4. С. 54–72.

<sup>19</sup> См., например: Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов ...

<sup>20</sup> Там же. С. 60.

ную связь элементов внутри системы «локация–мигранты». Другими словами, не только новое место жительства меняет мигрантов, но и сами мигранты, их действия определяют изменения в социально-экономическом развитии района их нового проживания. Показательно, что при этом порой, если не зачастую, «институциональные государственные структуры утрачивают ведущую роль в процессе интеграции мигрантов, и главную роль в социальных и экономических отношениях между принимающей территорией и мигрантами начинают играть не политические и институциональные рамки принимающего общества, а сами мигранты, формирующие новые типы социального поведения»<sup>21</sup>.

### **Миграционные процессы и Россия после 1991 г.**

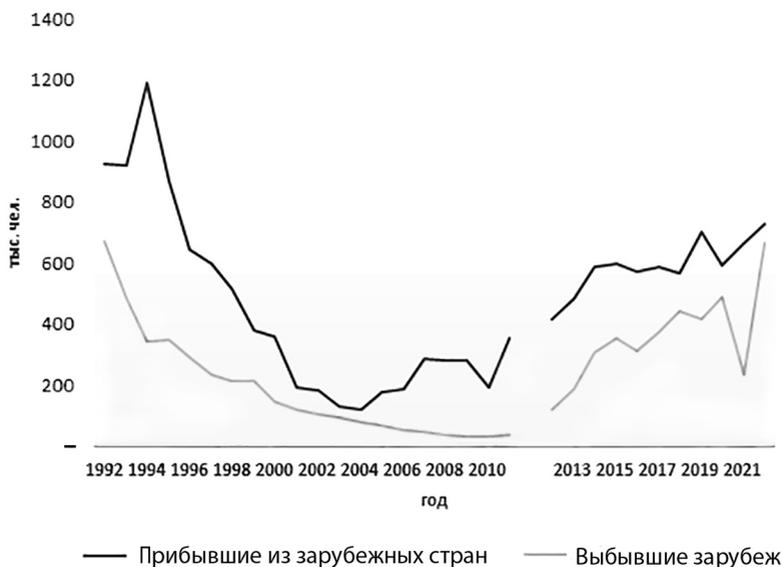
Причины, формы, результаты и последствия миграций в разные времена и при разных условиях значительно варьируются. В судьбе каждого государства существуют периоды, когда значение миграций и мигрантов как их главных акторов столь велико, что именно миграционные процессы становятся одними из важнейших факторов, влияющих на формирование принимающего мигрантов общества. Ярким примером подобной ситуации стал распад СССР в 1991 г. Уникальное стечение обстоятельств, при которых границы между союзными республиками, составлявшими единую страну, практически одновременно стали внешними, разделяющими 15 независимых государств, спровоцировало беспрецедентные по своей сложности и многогранности миграционные процессы. По всей территории новых государств бывшего пространства СССР миграции вызывались внешними обстоятельствами и имели вынужденный характер, а исходные данные суверенизации того или иного государства предопределяли этническую миграционную спецификацию. При этом появились ранее совершенно неизвестные, новые для территорий постсоветских стран виды миграции — международная (в том числе трудовая), транзитная, незаконная и т.д.<sup>22</sup> Кризисная ситуация, затронувшая все сферы жизни общества (политическую, экономическую, социально-культурную), вынудила мигрировать целые социальные группы. Одним из преобладающих направлений стала миграция русскоязычного населения в Российскую Федерацию из новых пограничных с ней стран, особенно из Украины, Беларуси, Казахстана и стран Центральной Азии. В результате XXI век Россия встретила

---

<sup>21</sup> Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов ...

<sup>22</sup> Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомяля. М., 2007.

в статусе страны, входящей в число мировых лидеров по числу принятых международных мигрантов<sup>23</sup>, наряду с такими странами, как США, Саудовская Аравия, Германия.



**Рис. 1.** Динамика внешних миграционных процессов в России в постсоветский период (1992–2021 гг.). Составлено по данным Росстата<sup>24</sup>

Последовавший постсоветский период, в который бывшие республики СССР вступили полноправными участниками глобальных миграционных процессов, определил новые динамические тренды миграций в Россию (рис. 1). С 1994 г. вынужденная миграция, основанная преимущественно на этнических факторах, начинает дополняться, а впоследствии практически полностью замещается экономически обусловленными миграционными процессами — главным

<sup>23</sup> World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 02.08.2023).

<sup>24</sup> Для построения долгосрочных динамических рядов в данной работе используются данные Росстата [<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>]. Однако для выявления внутристрановых особенностей используются данные МВД. Миграционные показатели указанных структур отличаются друг от друга (и зачастую довольно существенно) по причине использования различных первичных данных (Росстат собирает данные о миграции на основе информации, полученной от органов записи актов гражданского состояния, а МВД — на основе данных, полученных от подразделений по миграционному учету), а также разнице в критериях определения мигрантов.

образом, потоками трудовой миграции, которые довольно скоро приобретают поистине грандиозные масштабы.

Начало 2000-х гг. было отмечено наиболее низкой миграционной активностью за рассматриваемый период — как входящей, так и исходящей. Однако начиная с 2004 г. наблюдается смена понижательного миграционного тренда на заметное (более чем в два раза) увеличение числа приезжающих в Россию из-за рубежа: от 120–130 тыс. чел. в 2003–2004 г. до 280–290 тыс. чел. в 2007–2009 гг.

Финансово-экономический кризис в России 2009–2010 гг. закономерно отразился в том числе на миграционной привлекательности страны для иностранных граждан. В 2010 г. было зафиксировано резкое снижение числа прибывающих в РФ мигрантов до показателей 2006 г., что составило 190 тыс. чел. Но уже с 2011 г. начинается новый рост миграционных показателей: поток иммигрантов увеличивается до 356 тыс. чел.

Важно принять во внимание тот факт, что, несмотря на несомненный тренд в сторону увеличения объемов миграции, показатели, отражающие резкие скачки численности прибывающих в Россию в 2007 и 2011 г. частично были обусловлены также спецификой системы учета миграции. До 2007 г. учету в принципе подлежали исключительно те, кто получал регистрацию по месту жительства, что, с точки зрения многих авторов, свидетельствовало о серьезных недостатках действовавшей ранее системы учета<sup>25</sup>. В свою очередь, принятые в 2007 г. изменения позволили расширить спектр доступных данных и включить в статистику значительное число долговременных мигрантов, в частности тех, кто уже некоторое время находился в стране на тот момент<sup>26</sup>. Однако и новый подход содержал в себе определенные проблемы и недостатки. Так, системе учета подлежали только мигранты, период проживания которых в России составлял не менее 12 месяцев, что провоцировало существенный недоучет приезжающих и невозможность полноценной их регуляции<sup>27</sup>.

В свою очередь, в 2011 г. были введены новые изменения, призванные скорректировать работу системы текущего миграционного учета. Перемены были следующими: минимальный срок прожива-

---

<sup>25</sup> Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 35.

<sup>26</sup> Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России // Демографическое обозрение. 2021. № 3. С. 8.

<sup>27</sup> Кашицкий И.С. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ // Демографическое обозрение. 2017. № 1. С. 83.

ния в стране для получения признания в качестве постоянного переселенца, ранее составлявший 12 месяцев, теперь ограничивался 9 месяцами. Учитываться стало проживание не только по месту жительства, но и по месту пребывания<sup>28</sup>. Всё это, разумеется, предсказуемо уточнило статистику в сторону увеличения числа мигрантов в стране<sup>29</sup>.

При характеристике российских внешних миграций последних 30 лет мы исходим из доказательно фиксируемого исследователями факта превалирования числа прибывших в Россию из зарубежных стран людей над числом выбывших за рубеж нашей страны. Несмотря на то что линии трендов прибытия и выбытия в общих чертах совпадают, сальдо миграции в период 1992–2022 гг. всегда остается положительным. Максимальный миграционный прирост ожидаемо наблюдался в ранний постсоветский период — пик пришелся на 1994 г., когда показатель прибытия достиг 800 тыс. чел. Однако подобное миграционное «сверхвливание» не имело сколь либо серьезных негативных последствий вследствие культурной и ментальной близости абсолютного большинства мигрантов того времени населению России.

С 2012 г. наблюдается значительное увеличение числа прибывших мигрантов, пик которого был достигнут к 2022 г. и составил свыше 730 тыс. чел. Показательно, что выход на траекторию стремительного миграционного «взлета» начался еще в 2019 г. Однако процесс был заторможен искусственно созданными ограничительными мерами, связанными с пандемией COVID-19 (рис. 1). Не будь этого, интенсивность прибытия зарубежных мигрантов в Россию, очевидно, была бы значительно выше, чем мы можем наблюдать.

В отличие от ситуации середины 1990-х гг., мигранты в Россию начала 2020-х гг. — это представители иных социально-культурных парадигм, носители иных систем социальных норм и культурных ценностей. И вливание их в российское общество, адаптация к социально-культурной среде принимающей стороны сопряжены со значительными трудностями, что вызывает серьезную озабоченность. Тем не менее, Россия продолжает оставаться одной из главных стран-реципиентов мигрантов в мире, что во многом объясняется спецификой экономико-политического взаимодействия между Россией и странами ближнего зарубежья.

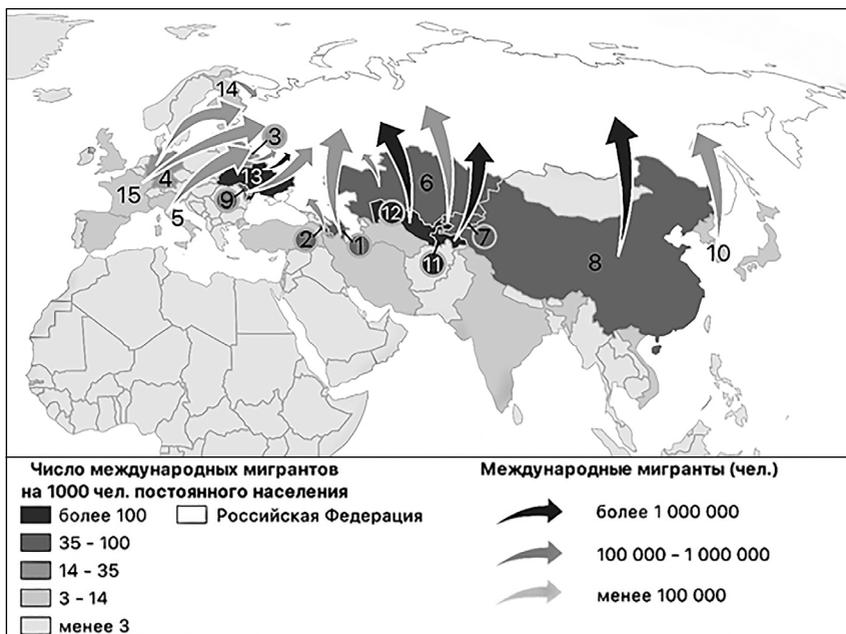
---

<sup>28</sup> Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрисоветской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. № 1. С. 83.

<sup>29</sup> Кашиницкий И.С. Указ. соч. С. 84.

## Историческая география внешних миграций в Россию в последние годы (2016–2022 гг.)

Середина 2010-х гг. становится важной вехой новейшего миграционного периода в Российской Федерации. Это период «водораздела» между типичными для начала 2000-х гг. экономическими миграциями и новой формой внешней иммиграции в РФ, значение которой нам еще предстоит определить, а сущность — осознать. Именно с этого момента происходит качественное изменение природы миграций: главной причиной миграции становятся не только и не столько трудовая деятельность на территории РФ, сколько воссоединение семей<sup>30</sup>.



**Рис. 2.** География миграционного прибытия в Россию из зарубежных стран в 2016 г. Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [<https://мвд.рф/деятельность/statistics/migracionnaya>] (дата обращения 09.08.2023)

1. Азербайджан; 2. Армения; 3. Беларусь; 4. Германия; 5. Италия; 6. Казахстан; 7. Киргизия; 8. Китай; 9. Республика Молдова; 10. Республика Корея; 11. Таджикистан; 12. Узбекистан; 13. Украина; 14. Финляндия; 15. Франция (нумерация стран дана в алфавитном порядке, названия стран — в соответствии с сайтом Росстата [<http://rosstat.gov.ru/statistics/incomparision>]; границы государств — по состоянию на декабрь 2016 г.).

<sup>30</sup> Сайт Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Мигранты всё чаще переезжают не в поисках работы или ради повышения качества и уровня жизни, а для воссоединения со своими близкими, уже проживающими в России. Так мы становимся свидетелями перехода от экономической миграции к социальной. Частично это может быть объяснено изменениями, произошедшими в миграционной политике страны, развитием технологий, упрощающих процесс переезда и адаптации на новом месте.

Безусловно, произошедший переход не означает полного отказа от экономической миграции. Однако потенциальные «российские» трудящиеся-неофиты всё чаще сопровождаются своими семьями, что вносит новые элементы в социальную структуру мигрантов, с одной стороны, и требует от государства иных подходов к регулированию миграционных процессов — с другой.

Какова же историко-географическая картина новой внешней миграции в Россию?

Прежде всего, необходимо отметить активную роль РФ в системе глобальных миграций. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что наша страна является государством-реципиентом для выходцев из очень большого числа стран (картосхема, рис. 2). Однако нельзя не заметить и того, что в период от распада СССР до текущего момента постепенно произошел миграционный «поворот на восток». Так, к 2016 г. государства Средней Азии обогнали традиционные для России после дезинтеграции СССР страны-доноры: Республику Армению, Республику Беларусь, Грузию и Украину. Безусловным новым лидером уже тогда стал Узбекистан (3,35 млн чел.). И хотя Украина продолжала занимать второе место по числу граждан, поставленных на миграционный учет в России, ее численные миграционные показатели практически сравнялись с аналогичными показателями Таджикистана (1,93 млн чел. и 1,89 млн чел. соответственно).

Характерно, что из-за интенсивных миграционных потоков (свыше 1 млн чел. ежегодно) на три страны-лидера (Узбекистан, Украину и Таджикистан) приходилось свыше 50% всех прибывших мигрантов в 2016 г. Эти же страны сохраняли свое лидерство при оценке миграционного прироста. Несколько иначе выглядит эта тройка лидеров в свете приобретения гражданства РФ: здесь наиболее существенен вклад приехавших из Украины, Казахстана и Узбекистана (рис. 2).

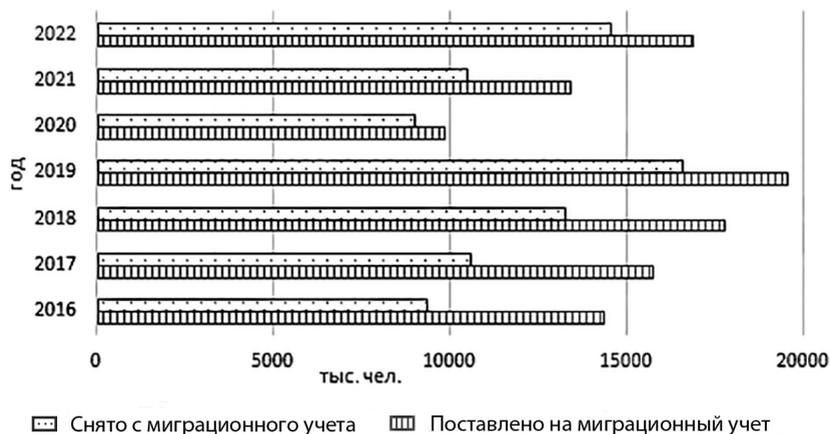
Помимо ближнего зарубежья, важным для формирования новых миграционных потоков в Россию становится китайское направление. В том же 2016 г. на миграционный учет в РФ встало более 1,2 млн граждан Поднебесной.

Страновая мозаика внешних миграций в РФ в 2016 г.<sup>31</sup>

Поставлено на миграционный учет			Снято с миграционного учета		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>14 337 084</b>		<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>9 353 554</b>
1	Узбекистан	3 354 389	1	Узбекистан	2 226 164
2	Украина	1 933 825	2	Украина	1 150 150
3	Таджикистан	1 892 404	3	Таджикистан	1 149 324
4	Китай	1 288 519	4	Китай	995 204
5	Киргизия	826 640	5	Киргизия	388 895
6	Армения	631 746	6	Казахстан	384 921
7	Азербайджан	594 902	7	Азербайджан	370 101
8	Молдова	585 937	8	Армения	349 376
9	Казахстан	545 676	9	Молдова	292 910
10	Беларусь	345 801	10	Беларусь	211 233
<b>Сальдо внешней миграции</b>			<b>Приобретение гражданства РФ</b>		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>4 983 530</b>		<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>265 319</b>
1	Узбекистан	1 128 225	1	Украина	100 696
2	Украина	783 675	2	Казахстан	37 837
3	Таджикистан	743 080	3	Узбекистан	23 216
4	Киргизия	437 745	4	Таджикистан	23 012
5	Китай	293 315	5	Армения	22 264
6	Молдова	293 027	6	Молдова	17 397
7	Армения	282 370	7	Азербайджан	9 885
8	Азербайджан	224 801	8	Киргизия	9 316
9	Казахстан	160 755	9	Беларусь	3 582
10	Беларусь	134 568	10	Грузия	2 623

<sup>31</sup> Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [<http://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>] (дата обращения 15.07.2023).

Данные Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2016–2022 гг. также свидетельствуют о сохранении положительного сальдо внешней миграции (рис. 3) и в общих чертах повторяют линии миграционного тренда, основанные на данных Росстата. Наблюдается тот же пик в последний допандемийный 2019 г., резкое падение числа вставших и снявшихся с миграционного учета в связи с общемировым локдауном, резкое возобновление миграционной активности сразу после открытия государственных границ. По данным МВД, в 2022 г. численность мигрантов, вставших на учет в РФ, приблизилось к экстремуму 2019 г. и составило около 17 млн чел.



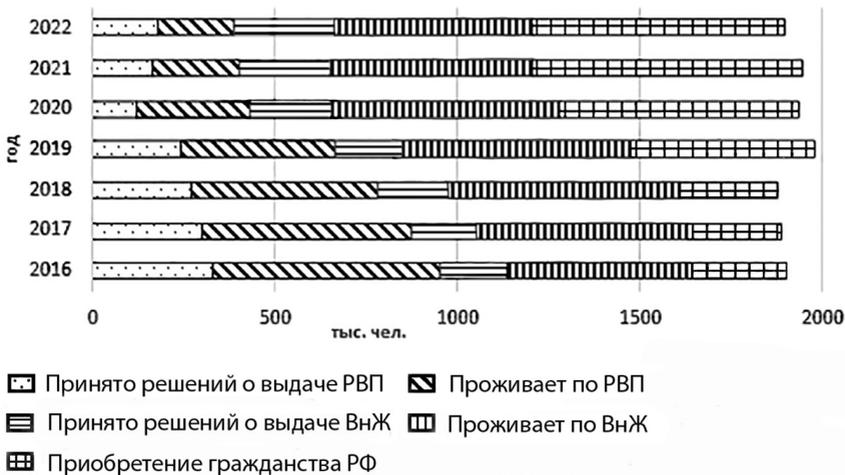
**Рис. 3.** Особенности миграционной ситуации в РФ в период 2016–2022 гг. Составлено по данным МВД РФ [<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>] (дата обращения 09.08.2023)

К 2022 г. происходит кардинальное изменение миграционного статуса приезжающих в РФ. Если в 2016 г. наибольшую группу закономерно составляли лица, имеющие действительные разрешения на временное проживание (РВП) (рис. 4), а число получивших гражданство, как и тех, в отношении которых было принято решение о предоставлении вида на жительство (ВНЖ), составляли наименее многочисленные группы, то уже в 2017 г. численность группы РВП соотносима с группой ВНЖ.

Так, с 2020 г. самой многочисленной группой, на которую приходится более 1/3 всех вставших на миграционный учет, становится группа новых граждан РФ из числа недавних мигрантов. Постпандемийный год продемонстрировал новый пик — число иностранных

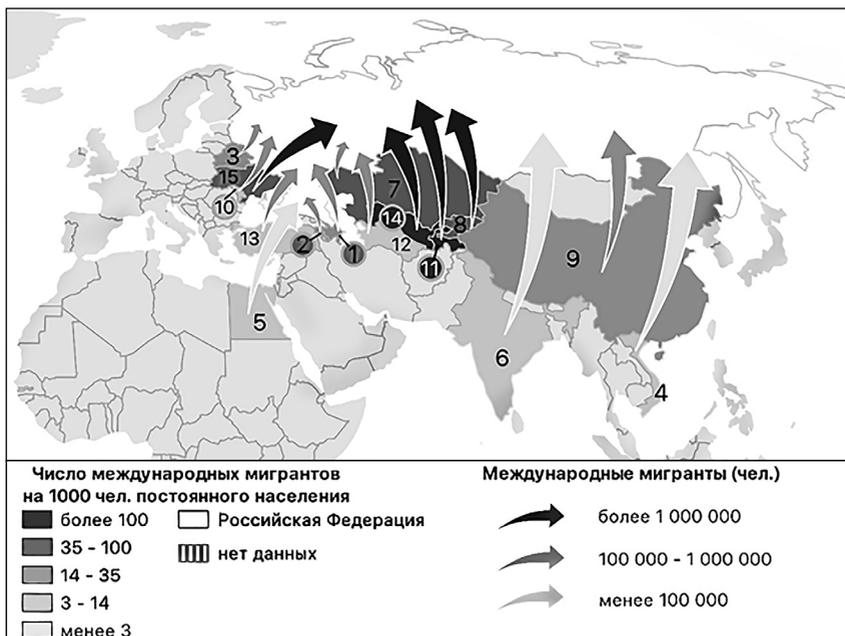
граждан, получивших российский паспорт, в 2021 г. превысило 700 тыс. человек.

Характерно, что в 2022 г. уже не наблюдается столь бурного роста числа новых россиян. Это объясняется, в том числе, и началом специальной военной операции в феврале указанного года.



**Рис. 4.** Миграционный статус приезжающих в РФ иностранных граждан в 2016–2022 гг.  
Составлено по данным МВД РФ  
[<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>]  
(дата обращения 09.08.2023)

К 2022 г. наблюдается локализация главных потоков миграции из стран ближнего зарубежья. Безусловными лидерами здесь стали три среднеазиатские государства: Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, на которые в совокупности приходится свыше 70% всех лиц, вставших на миграционный учет (табл. 2). Украина, даже учитывая резко изменившуюся социально-политическую конъюнктуру, подстегивающую миграцию из этой страны в РФ, заняла лишь 4-ю строчку рейтинга. С другой стороны, показательно расширение географии прибытия мигрантов в Россию: на авансцену выходят страны не только ближнего, но и дальнего зарубежья. Помимо уже ставшего традиционным Китая, мы видим усиление интенсивности миграционных потоков из Индии, Египта и Вьетнама (картосхема, рис. 5).



**Рис. 5.** География миграционного прибытия в Россию из зарубежных стран в 2022 г.

Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya] (дата обращения 09.08.2023)

1. Азербайджан; 2. Армения; 3. Беларусь; 4. Вьетнам; 5. Египет; 6. Индия; 7. Казахстан; 8. Киргизия; 9. Китай; 10. Республика Молдова; 11. Таджикистан; 12. Туркмения; 13. Турция; 14. Узбекистан; 15. Украина (нумерация стран дана в алфавитном порядке, названия стран — в соответствии с сайтом Росстата [http://rosstat.gov/statistics/incomparisons]). Статистические данные по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям РФ приводятся в рамках отдельного исследования.

Лидерами по показателю чистой миграции остаются всё те же страны: Узбекистан, Украина, Таджикистан. Коренным образом изменился набор главных стран, граждане которых получают российское гражданство. Из тройки лидеров вытеснены и Узбекистан, и Киргизия (рис. 5). Их место заняли выходцы из Таджикистана и Армении. Беспрецедентен «прорыв» Таджикистана: за короткий период с 2016 до 2022 г. число граждан этой страны, ставших россиянами, увеличилось в 7,5 раз: с 23 тыс. до 173 тыс. чел.

Страновая мозаика внешних миграций в РФ в 2022 г.<sup>32</sup>

Поставлено на миграционный учет			Снято с миграционного учета		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>16 870 094</b>		<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>14 524 958</b>
1	Узбекистан	6 345 614	1	Узбекистан	5 568 596
2	Таджикистан	4 448 261	2	Таджикистан	3 884 593
3	Киргизия	1 184 469	3	Киргизия	1 003 155
4	Украина	1 069 896	4	Украина	831 611
5	Казахстан	591 063	5	Казахстан	509 615
6	Беларусь	552 603	6	Беларусь	480 140
7	Армения	509 812	7	Армения	441 351
8	Азербайджан	492 839	8	Азербайджан	419 458
9	Китай	240 132	9	Китай	209 729
10	Молдова	162 783	10	Молдова	126 140
<b>Сальдо внешней миграции</b>			<b>Приобретение гражданства РФ</b>		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>2 345 136</b>		<b>ВСЕГО</b> по странам	<b>691 045</b>
1	Узбекистан	777 018	1	Украина	296 901
2	Украина	563 668	2	Таджикистан	173 634
3	Таджикистан	181 314	3	Армения	45 086
4	Киргизия	238 285	4	Казахстан	42 010
5	Китай	81 448	5	Узбекистан	27 220
6	Молдова	72 463	6	Азербайджан	23 688
7	Армения	68 461	7	Киргизия	23 496
8	Азербайджан	73 381	8	Молдова	15 171
9	Казахстан	30 403	9	Беларусь	15 137
10	Беларусь	36 643	10	ДНР	4 894

<sup>32</sup> Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [<http://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>]

Репрезентативной в означенный период также представляется динамика изменений половозрастного состава мигрантов, прибывавших в Россию. До 2007 г. включительно диспропорция полов среди иммигрантов отражала существующие типичные характеристики репатриационной семейной миграции. При этом надо отметить, что среди прибывающих с территории Украины и из Республики Казахстан эти показатели оставались неизменными и в дальнейшем<sup>33</sup>. С 2007 по 2015 г. в потоках трудовой миграции и миграционном обмене со странами Средней Азии и Закавказья фиксируется тотальное преобладание молодых мужчин<sup>34</sup>.

После 2015 г. эта тенденция снова меняется. Фиксируется возрождение «семейного» тренда<sup>35</sup>. Однако если ранее, как уже было сказано, подобная статистика свидетельствовала о репатриации в Россию культурно конформного и преимущественного русского населения бывших республик СССР, то теперь главной тенденцией становится семейная миграция нерусского населения в Россию. Так, с 2016 по 2022 г. произошли качественные подвижки в структуре приезжающих: если в допандемийный период большую часть составляли именно трудовые мигранты, то после 2021 г. большая часть мигрантов приезжает в Россию по линии восстановления семей. И самой многочисленной группой становятся лица, получающие гражданство РФ. Меняется и национальная принадлежность новых граждан: как акцентировалось выше, по сравнению с 2016 г. из тройки лидеров вытеснены Узбекистан и Киргизия; их место заняли Таджикистан и Армения.

Всё это доказательно свидетельствует об усилении миграционных потоков в Россию из стран ближнего зарубежья уже с начала 2000-х гг., пик которых (промежуточный) был достигнут в 2022 г. Несмотря на изменение в начале 2020-х гг. внешней конъюнктуры, связанной со специальной военной операцией, Россия продолжает играть активную роль в том числе и в глобальных миграционных процессах, оставаясь одной из лидирующих стран-реципиентов мигрантов в мире и демонстрируя «миграционный поворот на восток»: страны Средней Азии обогнали ранее традиционные страны-доноры, а наибольшее число мигрантов въезжает в Россию (помимо Украины с ее особым статусом) из Таджикистана и из Узбекистана. При этом в 2022 г. к мигрантам из стран ближнего зарубежья в РФ присоединились миграционные потоки из зарубежья дальнего, в первую очередь из Китая, Вьетнама, Индии, Египта.

---

<sup>33</sup> Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России // Демографическое обозрение. 2021. № 3. С. 9.

<sup>34</sup> Тюрюканова Е.В. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М., 2011. С. 21.

<sup>35</sup> Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках ... С. 15.

Значительные изменения за прошедшие десятилетия претерпел в России мигрантский социально-экономический и политико-культурный ландшафт. Тезис об ошибочности патерналистского взгляда на миграцию<sup>36</sup>, безусловно, был справедлив на этапе трудовой миграции, когда основную массу мигрантов составляли лица трудоспособного возраста. Однако теперь, в условиях «второй волны» внешней миграции, когда в РФ активно мигрируют и пожилые родители трудовых мигрантов, и их неработающие жены с малолетними детьми, складывается прямо противоположная картина. На этой стадии отношения формируются не в системе патернализма (контроля через обеспечение и удовлетворение основных потребностей), а в определенном смысле, потребительского отношения к принимающему обществу (неприятие контроля со стороны принимающего государства, формирование параллельной и недружественной системы при гарантированном получении доступа к ресурсам, предоставляемым государством в виде пособий, льгот и проч.).

### **Этнические анклав. Подходы к определению понятия**

Говоря о ландшафте миграций, нельзя пройти мимо понятия «этнический анклав» и не коснуться осмысления текущих процессов анклализации пространства.

Исторические особенности формирования и специфика жизнедеятельности анклавных территорий, их демонстрационная этнокультурная спецификация позволяют ряду исследователей относить данный феномен к категории «культурных параллельных пространств» — порождению концепции мультикультурализма. Эмпирические реалии последних десятилетий продемонстрировали несостоятельность анклализации как инструмента адаптации, аккультурации, интеграции мигрантских групп/сообществ. Напротив, они выявили диапазон питательной среды анклавов для упрочения устоявшихся мировоззренческих установок и норм неофитов вопреки численному превосходству принимающего сообщества, простимулировав и укоренив критику мультикультурализма.

В теоретических рассуждениях, питаемых богатыми и многочисленными примерами и фактами, исследователи миграций осмысливают анклав как «пространственный»<sup>37</sup> либо как «пространственный и институциональный»<sup>38</sup> социальный феномен.

---

<sup>36</sup> Зайончковская Ж.А. Почему России необходима иммиграционная политика. С. 129.

<sup>37</sup> Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006 // Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale. 2010. Vol. 11. P. 335.

<sup>38</sup> Ibid. P. 317.

В своем первоначальном значении дефиниция «анклав» подразумевает конкретную локальную часть конкретного государства, которая — в прямом смысле — окружена территорией или территориями, другого или других, одного или нескольких государств и не имеет при этом выхода к морю. Очевидно, что значение данного понятия подразумевает возможность географического, пространственного, социального, исторического, правового и др. смысловых наполнений.

Внутри этого явленного широкого сущностного диапазона нам, в контексте изучения миграционных процессов, принципиально важно сосредоточиться на понимании феномена анклава этнического, не теряя при этом связи ни с пространственно-географическим, ни с институционально-социальным<sup>39</sup>.

Такое видение позволяет, с одной стороны, рассматривать инфраструктуру анклава<sup>40</sup>, т.е. определяемое местоположением его экологическое, экономическое и производственное своеобразие. С другой стороны, оно дает возможность включать в сферу изучения и давать объективную оценку динамике и статике конкретного анклавного сообщества, которое развивается в данных конкретных условиях с изначально заданными групповыми параметрами — этнокультурными, религиозными, конфессиональными, лингвистическими, обычно-правовыми, самоидентификационными и др., в том числе, с сохраняющимися и/или трансформирующимися внутренними и внешними связями этого сообщества с материнским государством.

Такое видение одновременно позволяет, избежав противоречия, изучать анклав и как городские «кварталы, в которых доминирует конкретная этническая группа и присутствуют институты, отражающие характерные культурные ценности и символы»<sup>41</sup>.

Определенно, и для ряда случаев может быть бесспорно, и то обстоятельство, что «анклавы являются пространственно сегрегированными сообществами, возникшими вследствие социальных процессов классовой, этнической или расовой дифференциации и кластеризации»<sup>42</sup>.

Постепенно этнические анклавные складываются в устойчивые, прочные «четко выраженные географически или пространствен-

---

<sup>39</sup> Ирхин И.В. Национально-этнические анклавные в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Ч. 1 // Lex Russica. 2021. № 11 (180). С. 42.

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 318.

<sup>42</sup> Ibidem.

но ограниченные этнические центры»<sup>43</sup> проживания лиц, которые неразрывно связаны между собой. Среда существования способствует выработке и укоренению среди них общих целей, единых интересов, политических, экономических, культурных, социальных взглядов, в конце концов, общего для всех понимания выгоды, в основе которой — выживание, самовоспроизводство, защита и содействие «собственному экономическому, социальному, политическому и (или) культурному развитию»<sup>44</sup>.

Под этническими анклавами в историографии устойчиво подразумеваются «городские кварталы, в которых мигрантские группы или национальные меньшинства проживают компактно (концентрированно)»<sup>45</sup>, но эта трактовка неразрывна от исторических реалий, другими словами, этнический анклав в первую очередь является частью пространства географического. И здесь конкретная этническая группа или часть определенного этноса получает возможность или дает себе право (не всегда мирным, неконфликтным путем) дистанцироваться от окружающего эту территорию автохтонного большинства<sup>46</sup> в социальном, этно-культурном, экономическом плане, опираясь на собственный «высокого уровня социальный капитал»<sup>47</sup>.

Этнический анклав возникает, укореняется и может функционировать на таксономических уровнях области, района, поселения, городского квартала и др. При этом в любом случае главной его особенностью является отсутствие институционализации, которое, впрочем, не обязательно осознается как проблема самим населением анклава. Напротив, может сознательно поддерживаться внутренней самоорганизацией и демонстративно проявляемым нежеланием менять сложившийся неформальный статус вплоть до нисхождения до маргинального статус-кво. Это официальное непризнание совокупно и компактно проживающих представителей конкретной этнической группы, социально и экономически развивающейся на террито-

---

<sup>43</sup> Wang W., Zhou S., Fan C. Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. P. 105.

<sup>44</sup> Marcuse P. Enclaves Yes, Ghetto No: Segregation and the State // *Desegregating the City. Ghettos, Enclaves, and Inequality* / Ed. by D.P. Varady. Albany, 2005. P. 4.

<sup>45</sup> Zhou M. Ethnic enclaves and niches. Wiley Online Library. 2013. P. 1. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781444351071.wbeghm201> (дата обращения 08.07.2024)

<sup>46</sup> Lim S., Yi S., Lundy De La Cruz N., Trinh-Shevrin C. Defining Ethnic Enclave and Its Associations with Self-Reported Health Outcomes Among Asian American Adults in New York City // *Journal of Immigrant and Minor Health*. 2017. 19(1). P. 138–146.

<sup>47</sup> Ethnic Enclaves — Sociology — Oxford Bibliographies. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml> (дата обращения 02.07.2023).

рии иного численно преобладающего этноса<sup>48</sup>, принято определять как «территориально разобщенный участок какого-либо таксона, не имеющий самостоятельного признания по отношению к окружающей его территории»<sup>49</sup>.

Необходимо отметить, что ряд исследователей считают возможным рассматривать гетто и анклавов в качестве однопорядковых феноменов, а, следовательно, дефиниций, отличающихся друг от друга исключительно уровнем сегрегации либо не имеющих отличий вовсе. Д. Хайберт, известный канадский исследователь, называет «средний уровень сегрегации концентрацией, высокий уровень сегрегации — анклавом, а экстремальный уровень концентрации ... геттоизацией», выделяя при этом «хорошую» (добровольную) и «плохую» (принудительную) сегрегацию<sup>50</sup>.

Распространенным в научной литературе является критический подход к анклавам как факту, явлению. Л.В. Андриченко, И.В. Плюгина, А.А. Джагарян и др., опираясь на широкий эмпирический массив, фиксируют те обстоятельства, благодаря которым «иммигрантские анклавов как своеобразные формы самоорганизации мигрантов способствуют формированию этнических преступных организаций», и именно эта модель существования является для них одной из форм адаптации»<sup>51</sup>. Именно с этим связано нежелание, отсутствие стремления к институализации, адаптации, интеграции у жителей анклавов. И именно это предопределяет «недопустимость под видом признания равных прав на пользование городом ... осуществления территориальной сегрегации ... и формирования этнических анклавов, существующих по своим собственным правилам и неподконтрольных публичным властям»<sup>52</sup>.

Обобщая результаты научных изысканий исследователей, сосредоточенных на изучении миграционных процессов во всех их проявлениях, можно предложить следующую версию понятия и концепции национально-этнического анклавов. Этнический анклав — это квазитерриториальное образование, внутри которого сконцентрировано

---

<sup>48</sup> Самарина Е.Л. Этнические анклавов и предпринимательская активность выходцев из стран Латинской Америки // *Universum: общественные науки*. 2014. № 2 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-anklavov-i-predprinimatelskaya-aktivnost-vyhodtsev-iz-stran-latinskoy-ameriki> (дата обращения 06.08.2023)

<sup>49</sup> Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.

<sup>50</sup> Hiebert D. Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver // *Montreal Institute for Research on Public Policy*. N 52. 2015. P. 5, 6.

<sup>51</sup> Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М., 2019.

<sup>52</sup> Джагарян А.А. Право на город: постановка проблемы // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 2. С. 53–57.

проживание объединенной по определенному этнокультурному признаку группы людей, сознательно обособляющихся от принимающего общества, системно реализующих практики, характерные для разных компонент своей культуры, не свойственные принимающей стороне. Фундаментальными характеристиками данного явления представляются: социокультурная общность, формирующая единые для локального анклавного сообщества мировоззренческие максимы, в том числе отстраненность — пространственную, культурную, социальную и пр. — от населения принимающего государства; четкая привязка к географическим маркерам локализации; относительная гомогенность гражданской идентичности, правовой культуры; самоидентификация членов анклава как единого целого при широком распространении на территории анклава элементов традиционного образа жизни, характерного для его членов; нежелание институализации; непринятие законов, правил, поведенческих общественных, культурных языковых норм принимающего общества.

Анклавы функционируют по собственным правилам, зачастую либо существующим параллельно, либо лишь отчасти коррелирующим с официальными властными институтами принимающей территории. В силу этого процесс анклавизации в ряде случаев может выступать предпосылкой и питательной средой для формирования преступных сообществ, популяризируя альтернативные формы адаптационных моделей поведения, включающих, среди прочего, игнорирование местного законодательства и групповую ментальность, построенные на противопоставлении себя как членов закрытого, сегрегированного сообщества с особым самолично определенным высоким статусом, и населения принимающей стороны, государства, области, города и т.д., чей статус также самолично определяется ничтожным.

Сама сущность анклава как замкнутого социо-территориального образования предопределяет выработку и цементирование исключительно среди его жителей представлений о тождественности групповых интересов интересам индивидуальным. В то время как любые возможности самоактуализации вне ограниченной территории отменяются, тем самым усиливая стагнационные и сегрегационные аспекты функционирования данного феномена.

К 2022 г. в России начали фиксироваться процессы, демонстрирующие достаточно быстрое оформление этнических анклавов в ряде крупных городов, где уже был замечен существенный рост напряженности на национально-бытовой почве, и среди коренного населения фиксировалась тенденция к переезду в другие районы. К примеру — в Москве, где подобные процессы в первую очередь соотносились

с городским районом Котельники. Исследователи отмечали взаимную отстраненность мигрантов и местного населения, указывая, что «...мигранты тесных связей с другими жителями Котельников не образуют, а круг их общения в городе состоит из тех, с кем они знакомы по стране происхождения, а также из коллег по работе и соседей по квартире, при том что эти два множества часто накладываются. У мужчин-мигрантов, как правило, отсутствует привязанность к месту, что нехарактерно для мигранток-домохозяек, которые формируют что-то вроде “кружков по интересам” с соотечественницами, с которыми знакомятся в Котельниках: вместе гуляют с детьми или ходят за продуктами, иногда присматривают за детьми друг друга»<sup>53</sup>.

Помимо столицы аналогичные тенденции фиксировались в Екатеринбурге (район Сортировка), Красноярске (район КрасТЭЦ)<sup>54</sup>, Новосибирске (район Хилокского рынка)<sup>55</sup>, в областных поселениях, например киргизская деревня под Тулой<sup>56</sup>.

Изучение этнических анклавов в большинстве случаев подразумевает осмысление их существования в городской среде. Но этническая анклавизация в районах российской сельской местности представляется не менее активной. В близлежащих к столичному региону областях формируется анклавный пояс деревень, в которых селятся мигранты из государств Средней Азии. В частности, деревня Рождествено Тверской области представляет собой пример так называемой «таджикизации», в результате которой произошла смена коренного населения выходцами из Таджикистана. Более половины населения деревни — этнические таджики<sup>57</sup>. Аналогичные примеры есть во Владимирской, Калужской, Ярославской областях<sup>58</sup>.

---

<sup>53</sup> Андреева А., Иванова Н., Варшавер Е. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 4. С. 67.

<sup>54</sup> Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М., 2021. С. 106.

<sup>55</sup> Коваленок А. Вайлайт Новосибирск: как избежать мигрантских анклавов. — URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/04/08/2023/64cb50d59a7947229fb8179e> (дата обращения: 11.07.2023)

<sup>56</sup> Снегирев Ю. Киргизский угол: в России появился первый национальный анклав // Российская газета. Федеральный выпуск. 2 июня 2018 г.

<sup>57</sup> Аронов Н. Деревня Тубетейкино. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3534121> (дата обращения: 11.08.2023); Стешин Д. Дружба народов в тверском селе: «Уж лучше мигранты, чем наше Рождествено вымрет?». — URL: <https://www.kr.ru/daily/26795.4/3829624/> (дата обращения: 11.08.2023)

<sup>58</sup> Является ли этот процесс локальным и индивидуальным выбором/актом или прямым следствием целенаправленной политики переселения таджикских мигрантов — вопрос дискуссионный. В этом плане немаловажной представляется статья: Ульмасов Р. Таджики могут обустроить российскую деревню? Эндшпиль российских деревень // Magister Dixit. 2013. № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/>

Статистические данные за 2016 г. репрезентативно демонстрировали особенность миграционной динамики на территории Российской Федерации. Основная часть миграций на тот момент состояла из граждан СНГ трудоспособного возраста. Однако было заметно снижение их доли в общем миграционном потоке. И если в 2014 и 2015 гг. они составляли 67% и 68% от общего числа прибывших соответственно, в 2016 г. этот показатель был равен лишь 59%. Большинство въезжающих в страну мигрантов имели гражданство Узбекистана и направлялись в Центральный и Приволжский федеральные округа<sup>59</sup>.

После ожидаемого снижения миграционной активности в период пандемии COVID-19, связанного с закрытием государственных границ, в 2022 г. численность потока мигрантов значительно превысил уровень 2019 г., составив, по данным МВД, около 17 млн человек. Наиболее многочисленными группами стали выходцы из Узбекистана (38%), Таджикистана (26%), Киргизии (7%). Изменилась и география прибытия: вместе с Центральным федеральным округом лидерство по числу прибывающих стало принадлежать также Северо-Западному ФО<sup>60</sup>.

Высокая концентрация временных трудовых мигрантов одного конкретного этноса, одной возрастной группы и лиц, относящихся к сходным сферам занятости, неизбежно ведет к «выстраиванию внутри новой, но чуждой социально-культурной среды обитания своей собственной, более привычной и психологически комфортной»<sup>61</sup>, т.е. к анклавизации<sup>62</sup>. При этом в ситуации проживания в рамках анклава этническая и культурная идентичность мигранта не подвергается трансформации в соответствии с поведенческими и мировоззренческими нормами, принятыми в принимающем обществе, напротив, консервируется и противопоставляется им<sup>63</sup>.

---

article/n/tadzhiiki-mogut-obustroit-rossiyskuyu-derevnyu-endshpil-rossiyskih-dereven (дата обращения 04.07.2023). В ней затрагивается вопрос о закреплении за каждым районом Таджикистана пустующих российских деревень и формирования групп для организованного выезда туда.

<sup>59</sup> Трушкова Е.А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 3. С. 378.

<sup>60</sup> Статистические сведения по миграционной ситуации // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>

<sup>61</sup> Явкин Н.В. Взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: сборник статей. Самара, 2016. С. 32.

<sup>62</sup> Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005. С. 16.

<sup>63</sup> Madiukova S.A., Persidskaia O.A. Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10. № 7. С. 994.

Описанные выше процессы представляются потенциальными факторами риска, в первую очередь — в сфере межнациональных отношений и этнического многообразия единого российского сообщества. Увеличение градуса сегрегации и социального отчуждения может перерасти во взаимное отторжение и вражду между жителями анклавов и коренным населением, что, в свою очередь, создает возможности для социальной дестабилизации, а также возникновения угроз территориальной целостности государства.

С учетом актуальных проблем, существующих в миграционной сфере, одним из аспектов ее регуляции представляется совершенствование механизмов противодействия нарушениям действующего миграционного законодательства, борьба с коррупцией и деятельность, направленная на недопущение формирования этнических анклавов.

Именно анклавизация рассматривается как одна из ключевых внутренних экстремистских угроз<sup>64</sup>, являющихся следствием активных миграционных процессов, обесценивающая конструктивные и позитивные последствия трудовой миграции. В связи с этим меры, направленные на нейтрализацию факторов, способствующих формированию этнических анклавов, пространственной и социальной сегрегации российской территории, приобретают особую значимость, становятся одной из ключевых задач российской миграционной политики<sup>65</sup>.

Таким образом, уже к 2022 г. мы стали свидетелями органических изменений динамики и структуры миграционных процессов в России, связанных как с внешними факторами, так и с внутренними процессами, происходящими в стране.

## References

Alayev E.B. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Ponyatiyno-terminologicheskaya slovar'* [Socio-Economic Geography: Conceptual and Terminological Dictionary]. Moscow: Mysl', 1983. 290 p.

Andreeva A., Ivanova N., Varshaver E. *Yavlyayutsya li Kotelniki etnomigratsionnym anklavom? Kejs-stadi goroda-sputnika Moskvy na predmet etnomigratsionnykh kharakteristik yego zhiteley* [Are Kotelniki an Ethnic-Migration Enclave? A Case Study of a Satellite City of Moscow Regarding the Ethnic-Migration Characteristics of its Residents] // *Gorodskiy issledovaniya i praktiki*. 2020. Vol. 5. N 4. P. 54–72.

---

<sup>64</sup> Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 01.06.2020. № 22. Ст. 3475.

<sup>65</sup> Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Andrichenko L.V., Plyugina I.V. *Migratsionnoye zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: tendentsii razvitiya i praktiki primeneniya* [Migration Legislation of the Russian Federation: Development Trends and Practices]. Moscow: Norma; Infra-M, 2019. 391 p.

*Bezhtentsy i vyunuzhdennyye migranty v gosudarstvakh SNG. Kontseptsiya i organizatsionnyye меры po resheniyu problemy mnogostoronnimi usilyami v ramkakh Sodruchestva* [Refugees and Forced Migrants in the CIS Countries: Concept and Organizational Measures for Solving the Problem through Multilateral Efforts within the Commonwealth] / A. Anfalov, T. Vasil'yeva, G. Vitkovskaya, et al. Moscow: Kompleks-Progress, 1996. 160 p.

Chudinovskikh O.S. *O ponimanii statistiki migratsii* [On Understanding Migration Statistics] // *Voprosy statistiki*. 2017. N 5. P. 19–27.

Dzhagaryan A.A. *Pravo na gorod: postanovka problemy* [The Right to the City: Problem Statement] // *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. 2012. N 2. P. 53–57.

Ethnic Enclaves — Sociology — Oxford Bibliographies. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml>

Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V., Kartseva M.A. *Zhenshchiny — nayemnyye rabotnitsy v domokhozyaystvakh Moskvy i Sankt-Peterburga* [Women Hired Workers in Households in Moscow and Saint Petersburg] // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2022. N 2. P. 87–102.

Florinskaya Yu.F., Tyuryukanova E.V., Zayonchkovskaya Zh.A. *Trudovaya migratsiya v Rossiyu: kak dvigat'sya dal'she* [Labor Migration to Russia: How to Move Forward]. Special Report Series. Moscow: MAKS Press, 2011. 52 p.

Hiebert D. *Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver* // *Montreal Institute for Research on Public Policy*. 2015. N 52. 49 p.

Irkhin I.V. *Natsional'no-etnicheskie anklavy v sovremennom mire: priroda, instrumenty regulyatsii (publichno-pravovoy aspekt)* [National-Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulation Tools (Public-Law Aspect)] Part 1 // *Lex Russica*. 2021. N 11 (180). P. 39–51.

Karachurina L.B. *Demography and Migration in Post-Soviet Countries // What Has Remained of the USSR: Exploring the Erosion of the Post-Soviet Space*. Ch. 7. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2019. P. 161–190.

Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F., Abylkalikov S.I. *Migratsiya naseleniya v Rossii: noveyskiye tendentsii i opyt pokoleniy* [Population Migration in Russia: Recent Trends and Generational Experience] // *Naseleniye Rossii 2019: dvadtsat' sed'moy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Population of Russia 2019: The Twenty-Seventh Annual Demographic Report] / Ed. by S.V. Zakharov. Ch. 7. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2022. P. 276–326.

Kashnitsky I.S. *Vliyaniye izmeneniy v pravilakh ucheta migratsii v 2011 g. na otsenku intensivnosti migratsii molodezhi: kogortno-komponentnyy analiz* [The Impact of Changes in Migration Accounting Rules in 2011 on the Assessment of Youth Migration Intensity: Cohort-Component Analysis] // *Demograficheskoye obozreniye*. 2017. N 1. P. 83–97.

Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. *Adaptatsionnyye vozmozhnosti i setevyye svyazi migrantov etnicheskikh men'shinstv* [Adaptation Opportunities and Network Connections of Ethnic Migrant Minorities]. Moscow: Institut Sociologii RAN, 2005. 50 p.

Lim S., Yi S., Lundy De La Cruz N., Trinh-Shevrin Ch. *Defining Ethnic Enclave and Its Associations with Self-Reported Health Outcomes Among Asian American Adults in New York City* // *Journal of Immigrant and Minor Health*. 2017. 19 (1). P. 138–146.

Madiukova S.A., Persidskaia O.A. *Ethnic Enclaves as a Social and Territorial Phenomenon (Based on the City of Novosibirsk)* // *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Series "Gumanitarnye nauki"*. 2017. Vol. 10. N 7. P. 983–994.

Marcuse P. *Enclaves Yes, Ghetto No: Segregation and the State* // *Desegregating the City. Ghettos, Enclaves, and Inequality* / Ed. by D.P. Varady. Albany: State University of New York Press, 2005. P. 15–30.

*Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov. Mezhdistsiplinarnoye uchebnoye posobiye* [Methodology and Methods of Studying Migration Processes: An Interdisciplinary Textbook] / Ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya, I.N. Molodikova, V.I. Mukomel'. Moscow: Adamant; Center Migrationnykh Issledovaniy, 2007. 370 p.

*Migratsii i novyye diaspori v postsovetsskikh gosudarstvakh* = Migrations and New Diasporas in the Post-Soviet States / V.A. Tishkov, O.D. Komarova, S.S. Savoskul, et al.; ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Institut ethnologii i antropologii RAN, 1996. 238 p.

*Migratsiya: bedstviye ili blago? Materialy kruglogo stola po problemam vynuzhdennoy migratsii v Rossii* [Migration: Disaster or Benefit? Materials of the Round Table on Issues of Forced Migration in Russia] / L.I. Grafova, V.A. Tishkov, Yu.D. Anchabadze, et al.; ed. by E.I. Filippova. Moscow: Institut ethnologii i antropologii RAN, 1996. 68 p.

*Migratsiya v Rossii. 2000–2012. Khrestomatiya* [Migration in Russia. 2000–2012. A Reader] In 3 vols. / Compiled by N.V. Mkrtychyan, E.V. Tyuryukanova; ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya. Vol. 1. In 3 parts. *Migratsionnyye protsessy i aktual'nyye voprosy migratsii* [Migration Processes and Current Migration Issues]. Moscow: Spetskniga, 2013. 880, 960, 928 p.

Mkrtychyan N.V. *Polovyye disproportsii v potokakh dolgovremennoy migratsii v Rossii* [Gender Disparities in Long-Term Migration Flows in Russia] // *Demograficheskoye obozreniye*. 2021. N 3. P. 6–19.

Mkrtychyan N.V. *Problemy v statistike vnutrorossiyskoy migratsii, porozhdyonnyye izmeneniyem metodiki ucheta v 2011 g.* [Problems in Russian Internal Migration Statistics Caused by Changes in Accounting Methodology in 2011] // *Demograficheskoye obozreniye*. 2020. N 1. P. 83–99.

Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. *Trudovaya migratsiya v Rossii: mezhdunarodnyy i vnutrenniy aspekty* [Labor Migration in Russia: International and Domestic Aspects] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2018. N 1. P. 186–193.

Mukomel' V.I. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii* [Adaptation and Integration of Migrants in Russia] // *Migratsiya v Rossii. 2000–2012: khrestomatiya* [Migration in Russia. 2000–2012: A Reader]. In 3 vols. Vol. I. Part 2. Moscow: Spetskniga, 2013. P. 692–700.

Mukomel' V.I. *Demograficheskiye posledstviya etnicheskikh i regional'nykh konfliktov v SNG* [Demographic Consequences of Ethnic and Regional Conflicts in the CIS] // *Naseleniye i obshchestvo*. 1997. N 27. P. 1–4.

Mukomel' V.I. *Pravovyye osnovy i praktika regulirovaniya migratsii v sub'yektakh Federatsii* [Legal Foundations and Practices of Migration Regulation in the Subjects of the Federation] // *Migratsiya*. 1997. N 3 (4). P. 15–25.

Mukomel' V., Kuznetsov I., Charnyy S. *Predotvrashcheniye regional'nykh etnicheskikh konfliktov v Rossiyskoy Federatsii* [Prevention of Regional Ethnic Conflicts in the Russian Federation]. Moscow: Academia, 2007. 28 p.

Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya i demograficheskoye budushcheye Rossii: nauchno-analiticheskiy doklad* [Population Migration and the Demographic Future of Russia: Scientific and Analytical Report]. Moscow: [s. n.], 2003. 60 p.

Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya v SNG: opyt prognoza* [Population Migration in the CIS: Forecast Experience] // *Polis. Politicheskije issledovaniya*. 1993. N 2. P. 69–79.

Perevedentsev V.I. *Migratsiya v ritme vremeni: sbornik statey* [Migration in the Rhythm of Time: A Collection of Articles]. Moscow: MAKS Press, 2010. 79 p. (Series “*Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii*” [Migration Barometer in the Russian Federation]).

Qadeer M., Agrawal S.K., Lovell A. *Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006* // *Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale*. 2010. Vol. 11. P. 313–339.

Samarina E.L. *Etnicheskiye anklavy i predprinimatel'skaya aktivnost' vykhodtsev iz stran Latinskoj Ameriki* [Ethnic Enclaves and Entrepreneurial Activity of Natives from Latin American Countries] // *Universum: obshchestvennyye nauki*. 2014. N 2 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-anklavy-i-predprinimatel'skaya-aktivnost-vyhodtsev-iz-stran-latinskoj-ameriki>

Savoskul M.S. *Adaptatsiya etnicheskikh migrantov v regionakh Rossii* [Adaptation of Ethnic Migrants in Russia's Regions] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 5. *Geografiya*. 2012. N 2. P. 59–64.

Savoskul M.S. *Formirovaniye i evolyutsiya rossiysko-germanskoj transnatsional'noy migratsionnoy sistemy: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora geograficheskikh nauk* [Formation and Evolution of the Russian-German Transnational Migration System: Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor in Geography]. Moscow: MGU, 2016. 22 p.

Savoskul M.S. *Teoreticheskiye i metodicheskiye podkhody k izucheniyu mezh-dunarodnoy migratsii naseleniya v geografii i smezhnykh naukakh* [Theoretical and Methodological Approaches to Studying International Migration of the Population in Geography and Related Sciences] // *Teoreticheskiye i metodicheskiye podkhody v ekonomicheskoy i sotsial'noy geografii: sbornik statey* [Theoretical and Methodological Approaches in Economic and Social Geography: A Collection of Articles] / Ed. by V.L. Baburin, M.S. Savoskul. Moscow: Geographicheskij Fakultet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2019. P. 115–143.

Tishkov V.A. *Etnichnost' i natsionalizm v postsovet'skom prostranstve* [Ethnicity and Nationalism in the Post-Soviet Space] // *Regional'nyye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v Rossii* [Regional Problems of Interethnic Relations in Russia]. Omsk: Omich, 1993. P. 265–277.

Tishkov V.A. *Postsovet'skiye migratsii* [Post-Soviet Migrations] // *Byulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 1995. N 5. P. 3–6.

Trushkova E.A. *Fenomen etnicheskikh anklavov i yego otrazheniye v nauchnykh issledovaniyakh* [The Phenomenon of Ethnic Enclaves and Its Reflection in Scientific Research] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2018. N 3. P. 377–392.

Tyuryukanova E.V. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women Migrants from the CIS Countries in Russia]. Moscow: MAKS Press, 2011. 118 p.

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. *Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v vozraste 18–35 let v Rossii: rezul'taty issledovatel'skogo proekta* [Integration of Second-Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results] // *Monitoring*. 2019. N 2 (150). P. 318–364.

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. *Migranty v rossiyskikh gorodakh: rasseleniye, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANHiGS, 2021. 226 p.

Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. *Sotsial'noye prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura* [The Social Space of Moscow: Features and Structure] // *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2019. N 6. P. 3–17.

Vishnevsky A.G., Denisenko M.B., Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B., Chudinovskikh O.S. *O kriticheskom sostoyanii ucheta migratsii v Rossii* [On the Critical State of Migration Accounting in Russia] // *Voprosy statistiki*. 2004. N 10. P. 27–36.

*Vynuzhdennyye migranty i gosudarstvo* [Forced Migrants and the State] / Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Institut ethnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 1998. 420 p.

Wang W., Zhou S., Fan C. *Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. P. 104–122.

*World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division*. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/>

Yavkin N.V. *Vzaimodeystviye migrantov i prinyimayushchego soobshchestva* [Interaction of Migrants and the Host Community] // *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture: sbornik statey* [Traditions and Innovations in Construction and Architecture: A Collection of Articles]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy arkhitecturno-stroitel'nyy universitet, 2016. P. 30–34.

Yerokhina E.A. *Etnicheskiye rynki i ikh rol' v transformatsii gorodskogo prostranstva (na primere Novosibirsk)* [Ethnic Markets and Their Role in the Transformation of Urban Space (Novosibirsk Case)] // *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 2017. Vol. 15. N 4. P. 173–182.

Zayonchkovskaya Zh.A. *Migratsiya naseleniya kak indikator sotsial'noy situatsii v postsovetском prostranstve* [Population Migration as an Indicator of the Social Situation in the Post-Soviet Space] // *Problemy prognozirovaniya*. 1997. N 3. P. 119–128.

Zayonchkovskaya Zh.A. *Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyutsiya skvoz' kataklizmy* [Population Migration in the USSR and Russia in the 20th Century: Evolution through Cataclysms] // *Problemy prognozirovaniya*. 2000. N 4. P. 1–15.

Zayonchkovskaya Zh.A. *Pochemu Rossii neobkhodima immigratsionnaya politika* [Why Russia Needs an Immigration Policy] // *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoye posobiye* [Methodology and Methods of Studying Migration Processes: An Interdisciplinary Textbook]. Moscow: Adamant, 2007. P. 114–141.

Zayonchkovskaya Zh.A. *SNG cherez prizmu migratsiy* [The CIS through the Prism of Migrations] // *Migratsiya*. 1998. N 3–4. P. 4–10.

Zhou M. *Ethnic Enclaves and Niches*. Wiley Online Library. 2013. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781444351071.wbghm201>

Поступила в редакцию  
15 сентября 2023 г.